

Энелю смотрел на море перед собой со спокойной улыбкой на лице. То, что вокруг бушевал шторм, его не особо волновало.

Дождь не намочил его благодаря большому зонтику, появившегося из его золотого посоха.

У молодого дозорного было много забот, и одна из них - его текущая миссия.

Пиратская команда с капитаном, за голову которого назначена награда в 400 миллионов Белли, пользовалась дурной славой в первых частях Нового Мира.

Это была довольно высокая награда для новичка. При обычных обстоятельствах Сэнгоку воздержался бы от отправки Энеля на такое задание...

Но не в этот раз.

- Не могу поверить, что адмирал флота так тратит мое время! Это возмутительно! - раздался на корабле голос, который, вероятно, говорил с каким-то бедолагой в Маринфорде через улитку.

Разъяренный голос принадлежал не кому иному, как Акаину, адмиралу, у которого сейчас должен был быть недельный отпуск, но он застрял на корабле, идя на поводу у пирата, который был намного ниже его.

Энелю глубоко вздохнул, услышав этот голос. Так прошло уже несколько дней, и его мнение об Акаину ухудшалось день ото дня.

Акаину тоже начал ненавидеть Энеля до глубины души, так как «новичок» не особо утруждал себя почестями или соблюдением установленной в морском дозоре субординации.

Они оба терпели друг друга, как могли. Ни один из них не имел ни малейшего представления о том, почему Сэнгоку вообще пришла в голову такая идея.

Большинство морских дозорных, управлявших кораблем, также были напряжены гневными криками Акаину, ведь это была всего лишь случайная команда другого вице-адмирала, которая должна была патрулировать моря, где в последний раз были замечены пираты Горрилы.

Они и так испытывали определенный стресс из-за места, которое постоянно патрулировали, а в этот раз их привычный командир даже не присутствовал, так что ярость Акаину, дышавшего им в затылок, еще больше усугубляла ситуацию.

По крайней мере, присутствие адмирала давало им хоть какое-то подобие безопасности. Но Акаину не отличался репутацией защитника других морских дозорных во время миссий, он всегда был из тех, кто делает все необходимое, чтобы побыстрее закончить задание.

Энель улыбнулся еще шире, когда услышал, что голос этого глупого адмирала немного затих, и начал напевать успокаивающую мелодию, тихим тоном, но все же слышно. Почти как свист ветра.

Эту мелодию он помнил из своей прошлой жизни, ее он напевал, путешествуя по пескам пустыни, по огромным просторам небытия, которые исследовал много лет подряд.

Там он проводил большую часть своего времени, иногда с командой, иногда в одиночку.

Немногие ходили по этим тропам в одиночку, это считалось опасным.

Но Энель был из тех людей, которые всегда работают лучше, когда предоставлены сами себе... А еще он любил наслаждаться тишиной, холод пустынных ночей успокаивал лучше всего.

Если бы только небо было более покладистым, ощущение, что звезды смотрят на него, было самым тревожным в его путешествии. Поэтому он начал напевать, напевать так, словно перед ним была публика.

Он напевал так, словно был всего лишь призраком в этой пустыне, а любопытство заставляло его преследовать их до тех пор, пока позволяла жизнь.

Может быть, он всегда был ненормальным человеком, в конце концов... Все это скрывалось под фасадом класса и послужного списка легендарного археолога.

Кроме того, логичнее было бы считать его безумцем, может быть, все, что он испытывал сейчас, было всего лишь галлюцинацией?

Он позволил своему разуму руководствоваться любопытством, именно это всегда порождало монстров в истории. О гениях всегда вспоминали либо с любовью, либо с ужасом.

Энель всегда боялся, что он окажется вторым, поэтому он использовал свое любопытство с пользой: найти следы той древней цивилизации было не более чем удачей.

Без этого Энель не знал, что бы с ним стало. Он знал, что однажды ему наскучили бы пустыни и что его любопытство направилось бы в другое место, возможно, по гораздо худшему пути...

Но именно любопытство заставило его подойти к посланнику безумного бога на земле, полностью проигнорировав предупреждения, которые оставили для него древние племена.

И вот, с этими мыслями и воспоминаниями в голове, Энель напевал, напевал, как безумец, которым он и был. Он напевал, не сдерживая себя ни в чем.

Может быть, это была морская песнь, может быть, когда-то это был оркестр, он так и не смог вспомнить, откуда взялась эта песня...

Напевание Энеля, казалось, затмило шторм, морские дозорные, метавшиеся по палубе, удивленно смотрели на него, а молнии и гром, казалось, даже приостановились.

Спокойная улыбка контр-адмирала в сочетании с успокаивающей мелодией смогла расслабить нервы всех дозорных, которые слышали ее, заставляя их смотреть на него с восхищением.

Многие новобранцы поначалу считали пополнение Энела рядами морского дозора несправедливым, но его сила не вызвала нареканий, и все они это знали.

Что всегда ставилось под сомнение, так это его отношение к делу. Его манера поведения при общении с высшим руководством базы морского дозора.

Оказалось, что, вопреки слухам, Энель не выглядел ни высокомерным, ни вспыльчивым человеком.

Его образ, поющий во время сильного шторма, навсегда запечатлелся в памяти дозорных, находившихся на корабле, и рассказы о нем обязательно дойдут до остальных на базе.

Безмятежный ум приводит к величайшим предчувствиям. Человек никогда не сможет понять окружающий его мир, если он слишком увлечен им, – это была концепция, которой Энель придерживался долгое время.

Смотреть на мир как сторонний наблюдатель, не подверженный гневу и печали, точка зрения нейтрального наблюдателя всегда должна была быть самой чистой.

С той же спокойной улыбкой на лице Энель управлял нависшими над ним тучами, и по его приказу тучи перестали бушевать, а сильный шторм превратился в легкий морозящий дождь.

Зонт Энеля словно втянулся в себя, превратившись обратно в посох, и он позволил воде попасть на свою кожу.

– Прекрати гудеть! Ты меня раздражаешь! – Акаину прошел по палубе, нарушив безмятежность этой сцены для остальных морских дозорных, и все они бросились назад, чтобы закончить свои обязанности.

– Если бы я хотел знать ваше мнение, я бы спросил, адмирал Акаину, – сказал Энель, изучая

облака, шторм быстро разгорался снова, и Энель перестал беспокоиться о том, чтобы подавить его.

Его посох также быстро превратился обратно в зонтик, прекрасно прикрывая Энеля, но не доставая до Акаину.

Адмирал стал совсем красным от слов Энеля, и дождь испарялся, касаясь его тела. Энель не знал, было ли это вызвано дьявольским плодом Акаину или его гневом.

- С меня хватит твоего неуважения! Неужели ты думаешь, что Сэнгоку сможет вечно защищать тебя, ничтожество...

- Пф! Хахаха~ - смех Энель прервал тираду Акаину еще до того, как она началась.

- Ты действительно думаешь, что я боюсь тебя? Ты сумасшедший?!? - Энель держался за живот, смеясь с Акаину без удержу.

Он не ненавидел его за его действия в оригинальной истории, но Акаину был просто помехой с тех пор, как им двоим дали это задание.

Энель не собирался относиться к такому грубияну с добротой.

- ... ТЫ МАЛЕНЬКИЙ ШЕ... - правая рука Акаину мгновенно превратилась в магму, когда он собирался схватить Энель за плечо. В тот же миг зонтик Энеля превратился обратно в посох.

Акаину не придавал этому значения, но чего он никак не ожидал, так это получить удар посохом в лицо, причем со скоростью, на которую он едва успел среагировать.

Магма брызнула повсюду, а его голова полностью исчезла с тела.

К счастью, магма в основном попала в воду, и лишь несколько капель упали на палубу, быстро остыв от бушующего шторма.

- Не испытывай меня, адмирал. Мое настроение только что испортилось, и я сейчас не слишком приветствую твои выходки... - затем Энель начал уходить, даже не потрудившись оглянуться.

Акаину вскинул голову, и его глаза почти налились кровью от гнева. Ему так хотелось просто взорваться и полностью уничтожить корабль, на котором они находились. Но он также был против того, чтобы без нужды портить имущество дозора.

Он быстро бросился к Энелю, его кулак занесенный назад и готовый ударить контр-адмирала только один раз, просто чтобы доказать свою точку зрения, чтобы установить свое превосходство, один удар - это все, что ему было нужно.

Но в этот момент посох Энеля расширился, словно толстый золотой щит, и заблокировал удар, покрытый Хаки. Или, по крайней мере, попытался это сделать.

Золото не было особенно прочным металлом, оно смогло остановить кулак Акаину лишь на полсекунды, а затем прорвал щит, словно бумагу.

Но вместо того, чтобы поразить Энеля, его кулак ударился о палубу корабля, посылая по нему дрожь, которая сотрясала его даже сильнее, чем буря вокруг них.

Глаза Акаину расширились, когда он на секунду почувствовал странную тяжесть на своем плече. Энель только что наступил ему на плечо, а затем просто спрыгнул обратно на палубу, приземлившись позади него.

Сломанный щит, казалось, выдвинулся из маленькой ручки в руке Энеля, он втянул его и быстро превратил в чистый посох.

- Мы не получим большой пользы от такой битвы... - Акаину отвернулся, сдерживая себя, не желая причинить кораблю больше вреда, чем нужно.

Он знал, что Энель был прав. В силу обстоятельств он немного потерял себя от гнева, но знал, что если с Энелем что-то случится, то Сэнгоку и Гарп, скорее всего, покалечат его.

Он видел это собственными глазами - то, какое значение они вдвоем придавали Энелю. Дело было не только в том, что у него было многообещающее будущее, они втроем ладили друг с другом, как три старика в парке, играя в шахматы.

Энель также был символом морского дозора, поэтому причинение ему какого-либо вреда грозило серьезным наказанием, особенно в то время, когда он должен был находиться под его опекой.

Акаину уже собирался развернуться и уйти, не желая больше смотреть на него, чтобы гнев снова не взял верх над ним.

- Скажи... Как насчет небольшого соревнования? - улыбка появилась на губах Энеля, когда он произнес эти слова.